

Джемиль Коростелёв

ИСПОВЕДЬ

Джемилъ Коростелёв

Исповедь

«Издательские решения»

Коростелёв Д.

Исповедь / Д. Коростелёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936930-7

Книга является, по сути, моей автобиографией в период детства и учёбы.
Описана жизнь учеников и студентов в нашей стране за период с 40-го по 60-й
годы.

ISBN 978-5-44-936930-7

© Коростелёв Д.
© Издательские решения

Содержание

Память	6
Хлеб	7
Голод	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Исповедь

Джемилъ Коростелёв

© Джемилъ Коростелёв, 2018

ISBN 978-5-4493-6930-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Память

Детская память избирательна. Запоминаются какие-то яркие моменты, не связанные в общую картину. Я помню, как бабушка вырыла яйца из могилы – дело было на Пасху, – сказав, что это нам подарок от деда, умершего в 38-ом году. Когда я подросток, ни могилки, ни кладбища уже не было.

Перед войной мы жили в Ирбите. Как-то гуляя с нянькой по берегу реки, я нашёл шашку, потерянную, очевидно, во время Гражданской войны. Лет через сорок я спросил отца: куда девалась эта шашка? Он от удивления широко открыл глаза: «Ты не можешь этого помнить – тебе было всего три года!» – «Но ведь помню!» Я рассказал, что шашка лежала за сундуком, который стоял слева от входной двери. А ещё я рассказал, как младший брат бегал по крыше дровяника, а отец, стоя на лестнице, звал его. Из-за ветхости крыши он туда подняться боялся.

Помню как во время Первомайских праздников – скорее всего в 41-ом году, – по улице шли небольшие танки или танкетки. Неожиданно на проезжую часть выскочил маленький мальчик. Стоящий рядом милиционер бросился и, буквально из-под гусениц, вытащил ребёнка. Я напомнил это отцу. «Это был твой младший брат, – сказал он, – мать чуть сознания не лишилась».

Помню, как летом 40-го года старший двоюродный брат показывал из слухового окна бани малышне нарисованную им в картинках сказку «Репка». Спустя лет десять мы с отцом разобрали баню, и на чердаке я нашёл эти картинки.

Начало войны я не помню. Помню только, что отец отвёз нас к бабушке, мы сидели на тачке, младший брат хныкал: «Спать хочу». Отец его успокаивал. Он уехал на Дальний Восток, где был призван в армию. Вернулся через год – его комиссовали по болезни. Отец привёз пневматическую винтовку, которые мы называли «воздушка». Вдвоём с братом мы с трудом взводили пружину, вместо пуль заряжали хлебным мякишем и, держа вдвоём, стреляли.

Отца повторно мобилизовали в конце 42-го года. После короткой подготовки он отправился на фронт. Перед этим ему дали пять суток отпуска. Я просился, чтобы он взял меня на фронт, он соглашался, но в последний вечер сказал: «Ты ещё маленький, „воздушку“ с трудом в руках держишь, как же ты настоящую винтовку поднимешь?» И это меня убедило.

В 43-ем году мать избрали председателем завкома. У нас был большой дом, и мать устроила в одной, самой большой, комнате что-то вроде гостиницы. Называлось это «Дом приезжих». Это давало возможность получать дрова. За время войны у нас останавливалось много командировочных, одни на день-другой, другие жили месяцами. Запомнился один художник, который, не имея от рождения рук, – вернее это были культяшки, – рисовал ногами. У моих друзей детства до сих пор висят портреты, написанные маслом. Когда мальчики уставали, я позировал вместо них. За это он иногда угощал меня американскими консервами – кружки колбасы в бульоне. Банки открывались ключиком, который нужно было вставить в гнездо и вращать. При этом узкая полоска металла отрывалась и наматывалась на ключ. Выполнить эту операцию художник не мог.

В 44-ом году завод отмечал 125-летие. По этому поводу был устроен банкет. У рыбаков купили большую щуку, которую готовила моя бабушка. На улицу вытащили большой стол, на котором рыбу и разделявали. Помню, щука была больше стола, хвост свисал, чуть ли не на полметра. Спустя год на этом столе стоял гроб с бабушкой, он был меньше стола. Когда рыбу распорили, в ней оказалась щука длиной 75 сантиметров. Поскольку она не числилась, бабушка её оприходовала и испекла нам из неё пирог.

Хлеб

Назвать это месиво хлебом можно было с большой натяжкой. Тёмно-коричневый, непропечённый, содержащий большое количество воды для веса, он выпекался из непросеянной муки. Попадалась ость, а иногда и кусочки соломы. Воспитатели в детском саду предупреждали, чтобы мы вынимали их, как кости из рыбы. После еды на столе оставались кучки этих отходов. И этого хлеба мне, как иждивенцу, полагалось 200 грамм в день. Это был кусок, отрезанный от булки, толщиной в палец. Половину куска давали на обед, по четверти – на завтрак и полдник.

Пропечённый хлеб можно было купить у деревенских жителей на базаре, но стоила булка дорого, от 400 до 600 рублей. Можно было обменять на соль, или на табак-самосад, и того, и другого – стакан за булку. Мать доставала комки технической соли, которую я толоч в чугунной ступе. Табак бабушка выращивала, сушила и заставляла меня резать и просеивать. Ох, и начихался я!

В войну и после, пока не отменили в 47-ом году карточки, при устройстве на работу интересовались не размером зарплаты, а какую карточку будешь получать. Инженерно-техническим работникам полагалось 800 грамм хлеба в день, рабочим 600, служащим 400, иждивенцам 200. Нам, на семью из пяти человек, полагались 1800 грамм, стоило это в магазине по карточкам что-то около двух рублей.

В детском садике хлеб, четыре кусочка, ставили на стол на тарелке первыми. Если была горбушка (она была лучше пропечёна), мы начинали крутить тарелку, говоря, что её вот так поставили. Дело доходило до драки, поэтому горбушки отдавали девочкам, они вели себя скромнее.

Как-то к нам за стол посадили мальчика, который был эвакуирован из Ленинграда. Увидев хлеб, он схватил все кусочки обеими руками. И хотя прошло много лет, у меня до сих пор перед глазами стоит эта картина: безумный взгляд и мякиш, вылезавших у него между пальцев. Мы в рёв. Воспитательницы отсадили его, а нам отдали свои порции. В дальнейшем его кормили отдельно.

Было это в самом голодном 43-ем году.

Голод

Насколько я помню в детстве, мне всё время хотелось есть. Ели мы, казалось, всё, что попадётся. Ранней весной ели пестики – молодые побеги сосны, молодые шишки, которые называли крупка. Летом собирали цветы клевера, которые почему-то называли кашка. Бабушка варила щи из молодой свёкольной ботвы. Уже после войны в пионерском лагере нас кормили супом из крапивы. Каждый день выделялось звено, в задачу которого входило настричь ножницами к обеду несколько ведер молодых побегов. Никаких перчаток у нас не было. Руки от ожогов крапивы были постоянно красными, но, что характерно, нечувствительны к действию крапивы.

В лесу собирали ранние грибы: сыроежки, маслята, рыжики. Их «жарили» на прутиках, как шашлык, на костре и ели горячими. Если удавалось, разоряли вороньи гнёзда и выпивали яйца. Собирали ягоды: землянику, чернику, костянику. В пионерском лагере перед выходом в лес каждому давался бумажный кулёк – примерно стакан, – который необходимо набрать за час-два. Кто не выполнял норму, тому ягод в обед не давали. Когда я стал взрослее, это где-то в 48-ом году, мы во время «мёртвого часа» убегали на речку и вилками кололи пескарей. На кухне повариха жарила их нам на каком-то вонючем масле. Один раз наловили раков. Сварили в баке, где грелась вода для мытья посуды. Я расковырял всего рака, но так и не нашёл, что можно есть. Позднее узнал, что едят клешни и хвост, а я их как раз и выбросил.

Ближе к осени становилось сытнее – поспевали овощи: бобы, горох, морковь. Можно было нарвать картошки и испечь её в костре. Соли не было, ели так. Я до сей поры, свободно ем яйца и картошку без соли. Но самым вкусным были семена конопли, которая, в то время, никаким наркотиком не считалась. Её выращивали ради волокна – кудели, которую пряли и вязали из ниток варежки и носки. В войну для фронта, после войны – для продажи. Семена мы жарили на листах железа, аромат был изумительный.

В 45-ом году недалеко от леса был посажен горох. Осенью большие скирды его стояли по всему полю. Мы незаметно подкрадывались к ближайшей скирде, набивали карманы стручками и стремглав убегали в лес. Горох охранял объезжщик верхом на лошади. Не всякий раз удавалось добежать до леса. Ох, и больно доставалось от его кнута! Как-то один из парней предложил: убегать не в лес, а в большой куст ивняка посреди поля, до которого от ближайшей скирды было метров двадцать-тридцать. Так и сделали. Лошадь перед кустами встала на дыбы и сбросила седока. Оказалось, у него нет одной ноги. «Ребята, – просил он, – приведите лошадь. Я больше вас гонять не буду, ешьте, сколько хотите». Но, памятуя, как больно он стегал нас, мы отказались. Впрочем, скоро горох увезли.

По большому счёту, я наелся досыта только в 52-ом году, когда мы переехали в закрытый город. Помню, мать послала меня в солдатский городок, где выпекали очень хороший хлеб. Он был еще горячий, и так аппетитно пахнул, что я не удержался и, пока шёл домой, – а это минут тридцать, – съел полбулки. Думал, попадёт от матери. А она только спросила: «Почему же не купил две?» После отмены карточек в 47-ом году в деревнях и посёлках больше одной булки в руки не давалось. У меня это, видимо, закрепилось в памяти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.